

УДК 355,01

Буркина Лариса Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск
burkina.68@mail.ru

Burkina Larissa Sergueevna,

Candidate for Doctorate in Social Sciences, Assistant Prof., Chair of Sociology and Psychology, Southern Russian State Polytechnic University after Platov M.I. Novocherkassk
burkina.68@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ

В представленной статье девиантность человека интерпретируется в контексте социально-философской рефлексии девиантности. Делается вывод о том, что для фундаментализма, - выступает ли он в религиозной, моральной, социально-этической форме, девиантность есть естественное состояние заблуждения. И если мораль понимается как абсолютное доброе, исчезает возможность преодоления девиантности как выбора человека.

Ключевые слова: социальная девиантность человека, социально-философская рефлексия, религиозный фундаментализм, религиозные и нравственные ценности, поведенческие образцы, плюрализм

RELIGIONARY FUNDAMENTALISM WITH AN ERRONEOUS OPTION ON SOCIAL DEVIANCE

The paper has interpreted a deviant person in the context of deviance introspection presented by social philosophy. The study inferred that fundamentalism presented deviance as a natural state of delusion, whether it appeared in a religious or moral field, in social and ethical forms. And if morality is perceived as the absolute good, there is no faint chance for an individual to overcome deviance as an option.

Keywords: social deviance in humans, introspection by social philosophy, religionary fundamentalism, religious and moral values, behavioral patterns, pluralism.

В современном мире контртенденцией глобализации как становлению единства мира, как свободному циркулированию финансов, идей и людей выступает локализация, принимающая или откровенно архаичные, или фундаменталистские формы. Можно говорить о том, что фундаментализм является реакцией локальных и культурно-цивилизационных сообществ на отставание в процессе глобализации, на нарушение баланса традиции и обновления, на наступление унифицированных глобальных культурных и поведенческих образцов.

Принимая во внимание этот факт, мы считаем необходимым определить, какое место в возникновении фундаментализма как разнообразных движений, направленных на возвращение, отстаивание религиозных и нравственных ценностей и связанным с этим отказом от достижений современности, занимает социальная девиантность. Дело в том, что часто требования моральных или религиозных революций сопровождаются указанием на нравственную деградацию общества, на упадок культуры, на разрыв традиционных связей и утрату доверия между людьми.

Современное общество, по определению У. Бека, является обществом риска, обществом соседства достижений и непрогнозируемых последствий. Разумеется, эта зависимость от знания и невидимости цивилизационных ситуаций риска недостаточна для их понятийного определения [1, с. 31]. Модернизационные риски современности имеют одновременно местные и универсальные проявления. Таким образом, не прослеживается каузальная связь между установками фундаментализма и преодолением социальных и моральных рисков, аномийности в жизни общества.

Как отмечалось ранее, девиантность имманентна культурному полю, коллективному и индивидуальному выбору человека. Рациональность и иррациональность разделены в разных пропорциях в человеческом поведении. Анормность связана со становлением релятивизма, плюрализма, культурного разнообразия. С одной стороны, фундаментализм обещает навести нравственный порядок, избавить человека от заблуждений вернуться в золотой век. С другой – как предположение, развивает упреждающую релевантность действия, так как центр анормности лежит не в настоящем, а в будущем. По аналогии: если общество будет пребывать в неверии, мотивироваться исключительно групповым и индивидуальным себялюбием – наступает крах.

В спорах о том, какое содержание вкладывает в девиантность фундаментализм, мы исходим из того, что для фундаменталиста девиантным считается отклонение от провозглашенных в качестве истинных моральных или религиозных норм, без учета их реальной общественной опасности или нарушения прав других. На этом основании можно сказать, что фундамента-

лизм сводит девиантность человека к инакомыслию. Очевидно, что ни одно общество не может сохраниться, если не в состоянии производить новых поддерживающих членов [2, с. 141]. Но очевидно также, что ни одно общество не может быть обществом, в котором люди полностью разделяют одни и те же взгляды, убеждения и идеи.

Часто возникает ощущение, что фундаментализм является большой игрой воображаемых или реальных социальных инстинктов. Возможно, мы должны понимать установки фундаменталистов, что они действительно преисполнены пафосом за моральное выздоровление человечества, за то, чтобы консолидировать, объединить людей и утвердить, что не за горами решение проблем человеческой греховности. Факт, однако, состоит в том, что ни одна фундаменталистская диктатура, приход фундаменталистов к власти не внушает оптимизма.

Налицо попытки установления политического тоталитаризма, контроля за жизнью человека, принудительное моральное или религиозное пасторство. По сути, многие конкретные меры, осуществляемые фундаменталистами (шариатизация, введение моральных кодексов, так называемые законы о морали), не значат, что устанавливаемый строй совершенен. Это значит, что общество преисполнено энтузиазмом и одобрением внедряемых норм морального и религиозного благочестия. Если бы это было так, наверно, не требовалось бы исламских судов, полиции нравственности, так же как и не стало бы необходимости в ужесточении преследования тех, кто нарушает установленные моральные нормы.

В искоренительной практике фундаменталисты подменяют социальные нормы, нормы регулирования отношений с людьми на уровне критериев инструментальности или аксиологичности моральными нормами, нормами, действующими в соответствии с идеальными поведением человека, нормами, соотносимыми с правовыми регуляторами. Вспомним выражение русского философа В. Соловьева о праве как о низшей морали. Соглашаясь с тем, что фундаментализм требует от человека быть членом умы, народа, нации, морального большинства, отметим, что по отношению к культуре реализуется стратегия нивелирования, цензурирования, что прояснение сути социальных идеалов, которыми может руководствоваться человек, определяется тем, что устанавливается инстанция выше истины.

Рассмотрение идейных позиций фундаменталистов следует начинать с того, что весь мир объявляется погрязшим в грехе, что проводится манихейская формула деления на темное и светлое, верных и неверных. П. Штомпка называет фундаментализм движением против современности [3, с. 234]. Но по существу с националистическими антиглобалистскими или этноцентристскими течениями их разнит только неприятие современности как образа жизни человека. Поэтому следует считать, что в отличие от культурных традиционалистов фундаменталисты пытаются переделать, вернее, вернуть к истинному состоянию личность. Подвох состоит в том, что речь идет не о возвращении к нормам, выработанным в эпоху модерна, и тем более не к моральному реляционизму постмодернистской этики, можно назвать эту тенденцию новым закабалением человека. Для того, чтобы усмирить девиантность отдельных, предлагается надеть смирительную рубашку на всех. Примечательным явлением можно назвать прорыв фундаментализма именно в постмодернистском обществе – обществе моральной и идейной пустоты. На наш взгляд, расцвет фундаментализма коррелирует с эпохой толерантности. Проповедь безразличия, терпимости к иному приводит к разоружению перед самыми мрачными идеями человечества. Вне модерна в обществе с высоким уровнем социальной интеграции, самореализации и контроля фундаменталисты занимают периферийные позиции, находятся на окраине массового сознания, не отмеченные выдающимися достижениями в сфере культуры.

Когда жесткий контроль меняется мягкой ложью, а жизнь западного общества скучна и сыта, появляются призраки возмездия. Если считать эту образную аллегорическую истину, остается отнести фундаментализм к способу расплаты за общественный релятивизм. Вместе с тем, противоречивое положение фундаментализма состоит в том, что, обращаясь к идее морального обновления общества, не ставится проблема личностного выбора. Все, что представлено на уровне должного, выступает обязательно принудительным. Иначе говоря, фундаменталисты оказываются перед проблемой замкнутости на самих себя, на обнаружение полного отсутствия связи с реальными общественными настроениями, с соответствием общественному запросу, когда могут и не ожидать очередного миссию.

Можно предположить, что в движение обновления включаются личности с эгоцентричным видением мира, с тем, чтобы навязать собственное сектантское мышление остальным. И в этом есть прагматическая причина: почувствовать себя первыми среди равных, претендовать на статус не только воспитателя, но и общественного пророка. Нет ничего более страшного, как

писал Гете, чем заставлять других следовать собственному моральному примеру, вернее, это можно делать, опираясь на авторитет, на самоограничение, на представление о том, что другие нуждаются в тебе.

Что выступает на первый план в фундаментализме – презрение к тем, кто является заблудшим, к тем, кто не разделяет веру, интолерантность, хотя фундаменталисты, как мы видим на примере Европы, используют демократические процедуры. Для фундаменталистов невозможен общественный диалог, обсуждение проблем девиантности в дискуссионном формате, ультимативность позиций, и формула «кто против нас – наш враг» составляет видимый фон фундаменталистских течений. Поэтому можно говорить и об утопичности проекта искоренения, и о том, что личность находится под подозрением, лишена самостоятельного выбора, что жизнь человека превращается в удел следовать по пути, предложенному избранными. Характерным является то, что фундаментализм, даже заявляя о движении к современному обществу, не склонен доверять массе.

В рамках процесса морального выздоровления перверсируются культурные нормы, наполняются исключительно запретительным содержанием. Можно найти аналогии в европейской истории, если вспомнить деятельность Савонаролы, Кальвина и других религиозных фанатиков, движимых благочестивыми идеями. Особенность современного фундаментализма состоит в том, что, используя информационные технологии, связанные с манипулированием общественным сознанием, фундаменталисты действительно беспощадно критикуют пороки современности, социальные неравенства, моральную деградацию, наркотрафик, однополые браки. В своем рвении показывают двойственную мораль: возможность нарушения элементарных моральных норм по отношению к иноверцам. Иными словами, нужно быть строгим блюстителем нравственности по отношению к своим, не считать возможным проявлять элементарное милосердие или понимание других.

Характерно, что фундаменталистское измерение девиантности является и проекцией деления мира на своих и чужих. Провозглашение политики моральной чистоты, морального очищения основывается на реальной потребности человека жить в безопасности, быть солидарным с другими людьми, состоять членом коллективной общности. Но выход из этой ситуации предлагается путем превращения внешних причин во внутреннюю вину, системных проблем личной несостоятельности [1, с. 137].

Моральное обновление превращается в абстрактный знаменатель, под который можно подвести любое деяние человека. В конце концов попытки прорваться из разделения девиантного и недевиантного в человеке приводят к тому, что общество постоянно находится в пограничной ситуации, в ожидании великих перетрясок. Внешне фундаментализм может привлечь тем, что изгоняет индивидуализм, обособленность, но, тем самым, ставит под вопрос и самобытность, неповторимость, способность к творчеству человека. В фундаменталистских обществах если и появляются плоды искусства и культуры, то, как раз, исходят из кругов диссидентов, тех, кто может подвергнуться гонению, обструкционизма, вынужден мигрировать, опасаясь за свою жизнь. Характерна судьба С. Рушди, автора невозмутительных для западного человека, но имеющих значение «богохульственных» для фундаменталистов «Сатанинских стихов».

Полагая, что человек постоянно нуждается в ценностных ориентирах, в том, чтобы быть объектов внешнего контроля, применяются меры и дисциплинарного, и телесного воздействия, нарушается интимность человеческой сферы вплоть до переживания. Хотя «изречение» по большей части предписательно, неясным является, что благополучно и неблагополучно в человеческой жизни. Говоря о том, что конфликтность связана с безверием, эгоизмом, пренебрежительным отношением к наследию, делается вывод о том, что люди не соотносят свои действия с велением сверху. Общество, не построенное на фундаменталистских началах, предопределенным образом считается несправедливым, эгоистическим, жадным, обществом личной выгоды.

Если бы фундаменталисты хотя бы предлагали способ морального излечения на основе самодисциплины, можно было бы надеяться на добровольный выбор. В том, что человек должен быть верующим просто потому, что это правильно, это соответствует его природе, содержится безальтернативность. Можно пытаться понять это стремление. Но очевидно, что человек должен поступать гуманно и независимо от того, что ему предписано, важно самовоспитание, а не внешнее воздействие. Эту сторону человеческого бытия подвергают отрицанию. Поэтому, по большому счету, абсурдно представить искоренение девиантности ссылкой на высшие инстанции. Примечательно, что в этом обнаруживается и некая непоследовательность и трусость: ссылаться не на собственные действия и поступки, не быть мерилom общественной совести,

образцом поведения, а прятаться за пусть и великими текстами, присваивать себе право быть посредником между небом и землей.

В связи с этим девиантность трактуется как следствие множественности в обществе, как то, что противостоит, не дает осуществиться подлинному человеческому «я». Утверждается, что самостоятельность человека в повседневной жизни является иллюзией, что человек в своих действиях обязан следовать не разуму, а предписанному велению. Нельзя при этом ограничиваться указанием на том, что фундаменталисты – сектантски настроенные, фанатичные, живущие архаикой люди. Гораздо сложнее объяснить, что к фундаментализму обращаются представители творческой интеллигенции, те, кого либерализм называет компетентными людьми.

Это проблема не конформизма, подражания, мнимого согласия. В современном обществе образовались пустоты, которые нельзя заполнить потребительской идеологией, рождающей пресыщенность, скуку и бессмысленность существования. Также нельзя опираться и на образцы, оптимизм глобализма, уверения в том, что современный человек становится космополитичным, гражданином мира. Отказ от культурного наследия, от гуманистического наследия культуры, историческое беспамятство порождают деформацию истории: история предстает не как путь человеческих свершений, трагедий, заблуждений, ошибок и достижений, а как прямолинейная схема отката, или возвращения, к нравственности, к моральному единству, к единомыслию и единодействию.

В этом смысле фундаментализм является возмещением утраченной связи людей, нарушения элементарного чувства социальной эмпатии. В шахском Иране мечеть была не только местом проповеди, но и социальной взаимопомощи, обсуждения повседневных проблем, ощущения сопричастности, альтернативным пространством насильственно внедряемой светской идеологии, ассоциируемой с чуждой западной моралью, несправедливым богатством и нарушением социальной справедливости. И. Валлерстайн точно подметил, что в обществе, где ни наука, ни политики не занимаются проблемой социальной справедливости, проявляется господство фундаментализма [4, с. 121].

В современном индивидуализированном обществе, а общество, по выражению З. Баумана, представляют фабрики смыслов [5, с. 2], теряется смысл совместного существования. Но подчинение обществу есть опыт освобождения, само условие освобождения от слепых, бездумных, физических сил. Если личность испытывает дефицит социально-ориентационных смыслов, а свобода может приходиться только в образе изгнания духа смертности, освобождения от физических сил, то девиантность является эфемерным прибежищем. Фундаментализм подпитывает желание человека быть вместе с другими, формирует чувство удовлетворения нахождением правильного пути, но при этом не ставит перед личностью проблемы отделения верных жизненных смыслов и формул от ошибочных [5, с. 5].

При этом запрещается отношение к культуре, как к сфере ложной мысли, как к деяниям отступников. Запрещаются не только книги, музыка, развлечения, но и сама возможность мыслить по-иному. Беспомощность, с которой сталкивается человек в условиях девиантности, исчезает мнимо. На ее место становится беспомощность сердца, беспомощность личности. Следует обратить внимание на то, что запрещается человеческий акт, всякая рефлексия, обычное настроение также подвергается сомнению. Как писал М. Хайдеггер, настроенность делает возможной направленность на что-то, а понимание есть открытость через возможности. В свете фундаменталистского проекта эта направленность становится не свойством сущего, а экзистенциалом повелевания и ставится во главу всех отношений.

Исторически фундаментализм закрепляет отчуждение людей, сужает девиантность к проблеме современности. Мы можем сказать, что человеку отдается во владение только предназначение. Понятие личной ответственности теряет социальное и культурное измерения. В конечном счете, такие понятия как тревога, заброшенность, отчаяние не присущи версии морального обновления человека. В современном обществе, как писал М. Фуко, преобладает дискурс клиники: когда человек умирает, остаются структуры. Но говорить о гуманистическом потенциале фундаментализма, о возможности очеловечивании социальных отношений не приходится. На смену свободной постмодернистской игре приходит конструирование одномерного бытия и представляется единственная возможность жить с проявлением общей, а не собственной самости.

Рассматривая эту проблему в качестве реально влияющей на отношение к преодолению девиантности, мы можем сослаться на то, что слишком простые решения обладают большей привлекательностью для человека по сравнению со сложными, также как и беспорядочные реалии жизни могут убедить в необходимости внедрения идеалов, об чем писал еще античный

философ Платон. Разумеется, экзарцизм, изгнание из человека эмоций, сравнение человека с управляемым существом и ограничение жизни гармонией, верой и собственной совестью отказывают человеческому разуму в праве быть источником собственной самодисциплины.

Вероятно, фундаменталисты пытаются примирить сильную веру в собственное совершенство с верой в то, что человек – существо ведомое. Дополнительную глубину, парадоксальность придает особый акцент, представляемый в понятии «девиантность». Возникает впечатление, что это всего лишь другое название для безверия. Выясняется, однако, что девиантность, ассоциируемая с духовностью, объединяется в единую систему зла. В этом отношении осознается обязанность, моральный долг действовать последовательно, перестать считать мораль гипотетическим императивом. Отсутствие веры в человеческую свободу и моральную ответственность наделяют девиантность самоопределяющим значением. Иными словами, если в мире не будут действовать моральные или религиозные нормы, вернее, если человека не принуждать к морали, разрушение личности очевидно. Мы видим, что проводится четкая граница между моральным и социальным действием, между долгом и культурными нормами, противопоставляется человеческая природа, с одной стороны, обществу, с другой – понятию высшей воли. Главная культурологическая проблема в этой связи – каким образом следование морали может стать мотивом человеческого поведения; как люди могут исполнять моральные обязанности, когда это противоречит их собственным эгоистическим желаниям? [2, с. 122].

Здесь уместно говорить о различии, не замечаемом фундаменталистами. Внутри, казалось бы, эгоистичных мотивов всегда находятся соображения, как писал И. Кант, долговременного эгоистического интереса, то есть замкнутость человека на самого себя может и не порождать девиантность. Считая греховность самым сильным искушением, можно вызвать внешнее соответствие социальным и моральным нормам, но не создать добродетельную внутреннюю установку, желание поступать правильно именно потому, что это правильно, утверждал И. Кант. С этой мыслью следует согласиться, так как девиант страдает от неопределенности и если выигрывает, то в уверенности, что поступает правильно. Тем самым, в противовес фундаменталистским идеям, согласно которым моральное обновление представляется конечным фактом, следует говорить о более рациональном и свободном от противоречий нравственном кодексе в виде ответственности как бесконечного условия существования человека [5, с. 31].

Как правило, выступая с критикой безнравственного мира, можно впасть в грех величия. Мораль не нуждается во внешней защите и защитниках: люди могут быть моральными или разыгрывать из себя моральных существ. Для фундаменталистов подходит второй сценарий – моральный перформанс, заключающийся в том, что демонстрируется благочестивость, возникает чувство театральной сцены. Важно отметить, что карнавальность фундаментализма подкачивается тем, что демонстрируется состояние подавленности страстей, эмоций и заблуждений. С позиции, весьма удобной для того, чтобы провозгласить преобразование общества, исчезает асимметрия моральных отношений: люди становятся равными, взаимозаменяемыми и замещаемыми [5, с. 224].

Об этой опасности предупреждал Р. Гвардини, когда писал, что в массовом обществе присутствует стремление быть не таким, как все. К. Г. Юнг отмечал, что твердую причинную связь обыденное сознание может выявлять только в области полупсихологических инстинктов и рефлексов, а там, где по-настоящему только и начинается жизнь души, даются только многословные описания [6, с. 115]. Не утруждая себя особыми доказательствами, фундаменталисты воспринимают девиантность на инстинктивном уровне, находясь под впечатлением визионерского неразложимого переживания [6, с. 119].

В массовом обществе индивидуализация достигает состояния разобщенности, становится вынужденной, безальтернативной стратегией поведения. Это не является благоприятным фоном для развития и утверждения культурных норм. Жизнь, которая раньше виделась в престижных целях культуры, принимает вызывающий облик, тускнеет лицо творческого человека и, как отмечалось ранее, девиантная личность представляет себя творческой. В самом деле, серьезной проблемой становится то, что, на какие бы технические совершенствования не было способно общество, возникает пессимизм относительно перерождения человека.

Как отмечает Р. Гвардини, главным источником опасности является то, что составляет всякую основу культурного творчества, – это власть над сущим. В этом смысле фундаментализм продолжает традицию увеличения власти как безусловного прогресса [6, с. 209]. Это означает, что непрерывно возрастает возможность злоупотребления властью, маскируемой или воплощаемой в форме морального или религиозного дискурса. Если человек свободен и может использовать свою власть как хочет и ничто не гарантирует ее правильное использование, де-

легитимируется обоснование моральной переделки человека. Принципиальная опасность такой позиции состоит в том, что разрушается возможность обращения к другим источникам человеческой жизни, отрицание культурных и социальных норм происходит не из отдельных особенностей или трудностей восприятия: есть убежденность в том, что моральная власть и власть политическая позволяют обезвредить любые действия, не подпадающие под определение правильности.

Взгляды фундаменталистов на будущее нельзя назвать оптимистичными, так как проявляется абсолютная свобода по отношению к идеалам, к тому, чтобы не иметь обязательств перед обществом. Фундаменталисты – люди кризиса, несущие в себе разрушительное девиантное начало в том, что руководствуются лишь одним принципом своей правоты, которая несколько не продвигает к декларируемому нравственному идеалу [7; 8].

Рассматривая то, каким образом предлагается и реализуется проект морального обновления, можно сказать, что выстраивается свой мир – мир, в котором главенство власти выводится не из духовного порядка, устанавливается единство по критерию подлинной истины. Но ее усвоение уже означало бы познание, однако сконструированные и насквозь расчерченные идеи фундаменталистов можно было бы принять за «мешанину» принуждения и несамостоятельности, если не считать, что фундаментализм не исполнен реальной религиозности. В продолжение этой мысли можно сказать, что антикультурные интенции присущи фундаменталистам в той же степени, что и девиантной личности.

Таким образом, можно утверждать, что для фундаментализма, выступает ли он в религиозной, моральной, социально-этической форме, девиантность есть естественное состояние заблуждения. И если мораль понимается как абсолютное доброе, исчезает возможность преодоления девиантности как выбора человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000.
2. Стивенсон Л. Десять теорий о природе человека. – М., 2004.
3. Маликова Н. Социальные изменения глобализации. – М., 2012.
4. Валлерстайн И. Социология XX века. – М., 2003.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
6. Самосознание культуры и искусства XX века. – М., 2000.
7. Воденко К.В. Соотношение религии и науки в культуре XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-2. – С. 47-51.
8. Воденко К.В. Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12. – С. 62-71.